

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЯДРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

КРЫЛОВ Михаил Петрович - кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН и Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Минкультуры РФ и РАН.

Исходные понятия и теоретические позиции. В свое время М.П. Погодиным, а впоследствии С.М. Соловьевым и А.Д. Градовским [1] была выдвинута идея культурной однородности России в пространстве и слабой выраженности территориальной укорененности. В настоящее время попытка модернизировать эту концепцию принята Л.В. Смирнягиным, который пишет об "асплатиальности русской культуры" [2], включающей "ослабленность реакции на пространство" и отсутствие *региональной идентичности*. Экспериментальная проверка этой концепции представляется актуальной.

Под *региональной идентичностью* нами понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием "малая родина". В региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства (идентичность - какая? - рязанская, тамбовская и т.д. - здесь внешне доминирует топонимика) и аспекты внутренней энергетики, "силы" идентичности, где уместен термин "*местный патриотизм*". "Патриотизм" нами понимается априорным; противоположного мнения придерживается В.А. Куренной [3], полагающий его вторичным от присутствия некоторых общезначимых ценностей, внешних по отношению к "родине", и считает ошибочной позицию: "мы должны любить нашу родину только за то, что она наша".

Ряд авторов отрицает (в разной редакции) существование российской региональной идентичности, говоря о "кризисе идентичности", пиаре, "потемкинской деревне", которая исчезнет без Потемкина", отсутствии символического смысла у российских регионов, неструктурированности и отсутствии импульса саморазвития, отсутствии у русских "архетипа дома" и самого понятия "малая родина" [4,5,6 и др.].

С точки зрения О.И. Шкаратана, региональная идентичность в России уже создается - начиная с конца XX в. - на базе качественно новых *городских локальных субкультур* [7], путем преодоления экстенсивной культуры и традиционного общества. Иллюстрацией к такой позиции можно считать мою работу [8], согласно которой поддержка экологических движений обеспечивается развитой "не-трайбалистской" идентичностью в городах. Ряд социологов, напротив, усматривают в современной российской региональной идентичности подтверждение их концепций о доминировании в России традиционализма [9].

Еще Ф. Ратцель [10] писал, что мерой *развития культуры является уровень духовной связи человека с конкретной территорией*. Отсутствие оседлости - это отсутствие "нравственного корня" [1]. Генетическое объяснение процесса возникновения капитализма у К. Маркса неизбежно приводит к выводу, что "рабочая сила - продукт капиталистического производства - первоначально должна возникнуть до и вне капитализма": необходимо появление массы людей, "внезапно вырванных из обычной жизненной колеи", согнанных с веками насиженных мест и превращающихся в "нищих, разбойников, бродяг" [11]. Хотя разрушение укорененности является, таким образом, как бы предпосылкой социального динамизма, представляется, что такое

разрушение сопряжено с весьма значительным риском для сохранения культурно-цивилизационной системы и случай, описанный К. Марксом (возникновение капитализма на базе пауперизации населения Англии в XV-XVII вв.) в *общем виде* является маловероятным. Автор не разделяет пафос тех социологов, которые полагают, что успех российских реформ может (и даже должен) проистекать из отрицания укорененности, местного самосознания, которое (отрицание) якобы является базисом для пространственной мобильности и тем самым социальной мобильности вообще. Так, по результатам социологических обследований обнаружилось нежелание жителей депрессивных городов, например, Рыбинска, несмотря ни на что, переселяться в более благополучные страны и регионы, из чего были сделаны выводы о "социальной дефективности", застойности, культурной неадекватности жителей Рыбинска и других, подобных ему в этом отношении, городов [12].

В настоящее время идентичность микро- и макросоциальных систем чаще рассматривается не столько как признак застойности, их стагнации или слабости, сколько как признак их долговременной результативности, внутренней мощи [13].

Мною предложено считать равнозначными и дополнительными "культуру укорененности" и "культуру мобильности" [14]. Региональная идентичность - это *"воля к жизни и развитию на данной территории"*, но никак не "стратегия Обломова". Если энергия - способность совершать работу, то *идентичность — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности.*

В имеющемся опыте изучения региональной идентичности вне анализа остались возможность ее сравнения и оценки - как развитой, нормальной или ослабленной [15, 16].

Формализация. Модельный полигон. Нами разработана система показателей, были привлечены соисполнители, работавшие по нашей программе. В марте 2002 г. Вологодским НКЦ ЦЭМИ РАН (К.А. Гулин) обследована Вологодская область, в декабре 2002 г. Институтом общественного мнения "Квалитас" (Н.А. и А.Л. Романович) - Воронежская область, в сентябре - октябре 2003 г. исследовательской компанией "Социс" (Р.А. Оглоблин) - Ярославская и Костромская области. Выборки квотные, метод опроса - личное интервью, всего 3050 респондентов. Кроме того, ТверьЦИОМ (Е.М. Смирнов) любезно предоставил нам информацию по г. Тверь (некоторые из наших вопросов были включены в программу мониторинга в ноябре 2001 г.; вероятностно-квотная репрезентативная трехступенчатая выборка семей, личное интервью, объем 510). Были созданы группы экспертов в Галиче, Череповце, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Муроме, Арзамасе, Воронеже, Тамбове, Мичуринске, Моршанске, сельской местности Моршанского района, Ельце, Балашове, Пензе, Сердобске, Нижнем Ломове, Борисоглебске, Новохоперске, Алексине, Богородицке, Плавске - силами согласившихся нам помочь работников библиотек, музеев, школ, вузов, СМИ, местных администраций (всего - 683 участника).

Совокупность пунктов ("ключей") проведения массовых опросов и анкетирования экспертов является *пространственно репрезентативной*, в смысле описания *ареалов*, жители которых обладают чертами "ярославцев", "воронежцев" и т.д. - в условиях характерного для данных *регионов* разнообразия *типов поселений* по социальному статусу и историческому облику, а также относительной полноты характеристики *меридионального среза исторического ядра Европейской России* и выраженности (по результату исследования) градиента "север - юг"; *фиксирования других позиционных эффектов* (удаления от Москвы, от границ своего региона и центров соседних регионов и т.д.).

Анкета для массовых опросов содержит восемь основных блоков. Блок "малая родина". "Считаете ли Вы себя местным?"; "Есть ли у Вас место, к которому Вы особенно привязаны и которое считаете своей малой Родиной?"; "Если бы у вас была возможность выбирать, в каком городе жить, то выбрали бы Вы населенный пункт, в котором проживаете?"

Блок "русский патриотизм". "Очень ли важно ли для Вас ощущать свою принадлежность к России?" - варианты ответов; "да, Россия - моя Родина, и я ею горжусь"; "да, я не смог бы жить в другой стране"; "нет, я хотел бы жить в другой стране, но не имею возможности эмигрировать" - т.е. пассивное желание эмигрировать; "я думаю о переезде в другую страну" - активное желание эмигрировать.

Блок "пространственная ориентация". "Что Вы называете прежде всего при рассказе о себе в неформальной беседе (не при устройстве на работу)?" - варианты ответа: "населенный пункт, где я живу", "область, где я живу", "откуда я родом", "свою национальность"¹¹, "образование", "место работы", "должность, профессию"; "Что Вы ответите, если Вас спросят, откуда Вы?" - варианты ответа; "населенный пункт, откуда я родом", "населенный пункт, где я живу", "область, где я живу", "часть России, откуда я родом", "часть России, где я живу", "в православном мире, на исконно русской территории".

Блок "генеалогия". "Если Вы местный, то сколько поколений Ваших предков здесь жило?"; "Кто из Ваших предков здесь (недалеко) похоронен?"; "Знаете ли Вы места рождения своих предков (два и более поколений назад)"; "Назовите места рождения своих предков, хотя бы приблизительно".

Блок "высказывания, поговорки": "субэтничность": «согласны ли Вы с утверждением; "нужно сделать все возможное для сохранения местных различий в говорах, особенностях поведения, питания и т.д."?, (по ФОМ, с дополнениями); «согласны ли Вы с утверждением: "нужно сделать все возможное, чтобы сохранить различия в специфике архитектуры, внешнего облика городов?"; "Одобряете ли Вы деятельность общественных объединений по защите окружающей среды и культурного наследия?"; *поговорки-индикаторы:* «согласны ли Вы со следующими утверждениями: "где бы ни жить, только б сыту быть", "с родной земли умри, не сходи", с нашими изменениями - поговорки *не* рассматриваются как альтернативные, "бедность - не порок", "внеэкономизм мышления" как русская антитеза протестантской этики, [17].

Блок "родной город, край". "Согласны ли Вы, что место Вашего проживания исторически относится к... краю?"; "Знаете ли Вы старинный герб Вашего города?"; "Любите ли Вы населенный пункт, край, где Вы живете?"; "Если (не) любите, то за что?",

Блок "общинность". "Сколько приблизительно человек Вы знаете в лицо в Вашем населенном пункте?"; "С каким количеством человек в Вашем населенном пункте Вы здороваетесь; общаетесь?"; "Читаете ли Вы местную прессу (постоянно, периодически, очень редко, никогда)?".

Блок "своя местность и соседние территории". "Отличаются ли жители Вашей местности от жителей других территорий? - они лучше (хуже, затрудняюсь ответить)"; "Становятся ли жители Вашей местности, территории, населенного пункта (черты характера, быта, историческое прошлое) предметом насмешек жителей других территорий?"; "Какие прозвища дают Вам жители других территорий?"; "О жителях каких соседних территорий, населенных пунктов Вы знаете высказывания, насмешки, прозвища (какие именно)"; "Ощущаете ли Вы давление, конкуренцию со стороны жителей близлежащих территорий? Каких именно?"; "На информацию по телевизору, радио или в газетах о каких населенных пунктах (и почему) Вы обращаете внимание (по России, но без Чечни)?".

Анкета для экспертов напоминает анкету для массовых опросов.

"Малая родина и генеалогия". "Родной город, край", с включением дополнительного вопроса; "Какой город Вы считаете центральным для той местности, где Вы проживаете" (например, для Тамбовского края таким центром может считаться Тамбов, Москва или Воронеж).

"Своя местность и соседние территории", с дополнительным включением вопроса; "Не замечали ли Вы попытки присвоить достижения Вашей территории, в том числе память о Ваших знаменитых земляках, вашими соседями в других регионах, городах, населенных пунктах?". Ряд вопросов носит специфически региональный характер. Для Тамбовской и соседних областей введены вопросы об отношении к извест-

ным однако понимаемым (и воспринимаемым) неоднозначно региональными символами образом: «Как Вы понимаете выражение "тамбовский волк"?; "Знаете ли Вы подобные высказывания о туляках?", "Каково Ваше отношение к распространенному пониманию Тамбова (Пензы) как синонима глубинки, глуши, провинции, глубокой периферии", а также об отношении к анекдотам об Урюпинске. Были введены также вопросы, связанные с реакцией на возможное изменение административно-территориального устройства.

Основные результаты изучения региональной идентичности. Эмпирически нами были выделены ракурсы: транстрадиционный, традиционалистский, надтрадиционный. Транстрадиционная идентичность в наибольшей степени отражает культуру укорененности. К *транстрадиционному* ракурсу относятся характеристики любви к родному городу, краю; российского патриотизма; отношения к поговоркам "с родной земли умри - не сходи", "где ни жить - лишь бы сыту быть". Показатель согласия с первой из указанных поговорок мы назвали "*природным патриотизмом*"; гипотетически - это индикатор сохранения *ядра традиционной культуры*. Показатель несогласия со второй поговоркой назван нами "*просвещенным патриотизмом*". "Просвещенный патриотизм" - важный индикатор *соответствия региональной идентичности органической модернизации (и возможный интегральный показатель идентичности)*.

В состав *традиционалистского ракурса* входят характеристики "*субэтничности*" и "*внеэкономизма мышления*", коррелирующие между собой ($R_s = 0,65$). Сила идентичности по этим показателям убывает с ростом уровня образования респондентов. В то же время надтрадиционная идентичность связана с парадоксом. Характеристика, имеющая, казалось бы, субэтничный смысл - и действительно имеющая таковой в группах экспертов - *самооценка по сравнению с жителями соседних территорий* - в массовых опросах не сопряжена с субэтничностью, зато обнаружила тесную связь с характеристиками прямо противоположного свойства, которым обычно придается "*футуристическое*" значение, а именно: *с уровнем образования и самооценкой уровня доходов* респондентов, а также с *размерами города*. В Ярославской и Вологодской областях была зафиксирована *прямая* зависимость, а в Костромской - *обратная* зависимость. В случае обратной зависимости в Костромской области следует говорить об *инверсии*, поскольку для этой территории зафиксированы элементы "*комплекса неполноценности*", обусловленные соседством Костромы с более динамичным Ярославлем. Тем самым как бы получила подтверждение гипотеза о формировании в современной России некоей новой региональной идентичности на базе крупнейших городов и наиболее образованных и богатых слоев населения [18]. Ее "футуризм" проявляется также в отсутствии связи с характеристиками транстрадиционной и традиционалистской идентичности. Надтрадиционная идентичность хорошо "вписывается" в идеи о "сетевом обществе", не связанном с традицией предшествующего развития [19, 20], об исчерпании роли факторов истории и географии в обществе всеобщей мобильности будущего [21].

В Воронежской области данный феномен не представлен. Одна из причин этого, помимо "нейтрализующей роли традиции", - *повышенная "региональная самокритичность"*, фиксируемая на юге исторического ядра России и в массовых опросах, и в группах экспертов. Реально фиксируемая надтрадиционная идентичность является, по-видимому, "гибридом" распространяющихся ценностей "футуризма", включая оценку своего современного благополучия, и "этнографической" реакции на соседей.

В то же время транстрадиционная идентичность соответствует идее адаптации, сохранению преемственности в развитии, развитию как идиоадаптации или инволюции, или же прогрессивному развитию, но при понимании прогресса по Н.Я. Данилевскому [22]. Существенно, что согласно полученным эмпирическим данным, *транстрадиционная, но не традиционалистская культура сопряжена с сохраняющимися ядром традиционной культуры*.

Транстрадиционная и традиционалистская культуры могут быть рассмотрены как формы проявления культуры укорененности как дополнительной (неальтернатив-

ной) к культуре мобильности, при этом традиционалистской культуре соответствует "партикуляризм" как наименее динамичная ее составляющая. В то же время в *надтрадиционной культуре теряется дополнительность (и гармоничность) укорененности и мобильности*. Укорененность в этой культуре есть лишь временный пространственный базис для сиюминутных проявлений мобильности. Тем не менее, *надтрадиционная культура продуцирует идентичность и чувство привязанности к месту, но это чувство является узко рациональным, эгоистичным (оно связано не с "любовью", а с "выбором")*. Несмотря на то, что эти культуры базируются на разных ценностях, они объединяются на основе самоидентификации как "местного".

Каждый из ракурсов характеризуется своим императивом. Надтрадиционная идентичность - *"мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, продвинутые"* - *потому я выбираю тот город, где я живу*". Транстрадиционная - *"мы любим свою землю, наш край, потому что это - наша земля"*. Традиционалистская - *"мы лучше других, потому что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы - другие"*. Жесткая самоидентификация "мы-они" характерна лишь для традиционалистской и надтрадиционной идентичности. Последняя в таком случае приобретает неархаические черты (противопоставление "себя" и "себе подобных" жителям других территорий, которые считаются "варварами" - отсталыми, неудачниками). Дефектом надтрадиционной идентичности является отсутствие связи с российским патриотизмом.

В рамках транстрадиционной идентичности был введен интегральный индекс;

где I - интегральный индекс, R - доля респондентов, которые гордятся Россией, m_1 - доля респондентов, которые всю жизнь прожили на одном месте и не стали местными и которые не испытывают привязанности к какой-либо местности, m_2 - доля лающих эмигрировать из России, U_1 - доля согласных с поговоркой "с родной земли умри - не сходи", U_2 - доля *не* согласных с поговоркой "где ни жить - лишь бы сыту быть" (все - в %). Значения интегрального индекса по отдельным городам обнаружили значительную корреляционную связь с такой существенной характеристикой региональной идентичности, как "любовь к городу, краю", где проживают респонденты ($R_S = 0,75$).

Далее рассмотрим значения ключевых параметров на уровне отдельных поселений (табл. 1). Значительное ослабление просвещенного патриотизма характерно для "индустриально-маргинальных" поселений, резко контрастирующих с находящимся в тех же природных и других условиях Кирилловым. Интересно значительное превосходство рыбинской идентичности над костромской. Тверь и Череповец представляют собой отчасти контрастные разновидности региональной идентичности при ускоренном развитии крупных городов; если в Череповце происходит некоторая маргинализация населения (ослабление просвещенного патриотизма), при усилении традиционализма (по сравнению с Вологдой), то для Твери, напротив, характерен "суперурбанизм" - отказ от природного патриотизма при мощном развитии просвещенного патриотизма. Результирующая идентичность в Твери оказывается ослабленной.

Одна из причин такого ослабления - чрезмерная близость Твери к Москве, *стресс соседства*. Другие примеры возникновения стресса соседства - Кострома и Мичуринск (по данным экспертов). В Костроме происходит частичный отказ от костромской идентичности, в Мичуринске - от тамбовской идентичности, при преобладании негативной оценки своей местной общности по сравнению с соседями.

Стресс соседства в Костроме характеризуется не только отмеченными в табл. 1 ключевыми показателями - ослабленной (точнее, *инверсионной*) надтрадиционной идентичностью и пониженной долей выбравших свой город, - также рядом других, более частных показателей региональной идентичности: 12,3% респондентов считает, что их город (Кострома) *исторически не относится к Костромскому краю*, про-

Таблица 1

Ключевые показатели региональной идентичности по поселениям в пределах модельного полигона (историческое ядро Европейской России, в %)

Поселения	Интегральный индекс	Любовь к родному городу, краю	Российский патриотизм*	Выбор своего населенного пункта в гипотетической ситуации	Просвещенный патриотизм	Природный патриотизм	Традиционалистская идентичность как среднее между субэтничностью и внеэтнонимизмом мышления	Надтрадиционная идентичность (ощущение превосходства по отношению к жителям соседних территорий)
Кириллов	53.4	91.2	58.7	+66.3	+43.8	+62.5	+15.0	+21.2
Вожега	20.4	90.3	38.7	+33.8	-16.1	+51.6	+34.5	+1.7
Грязовец	27.8	77.7	40.7	+52.7	+1.4	+50.0	+16.6	+9.3
Великий Устюг	25.0	81.3	28.8	+44.1	+10.3	+67.8	+12.3	+20.3
Бабаево	18.0	81.2	13.7	+44.4	-0.8	+60.7	-29.0	-10.3
Тарногский	15.3	61.7	36.7	+5.9	-25.5	+42.7	-3.0	+5.9
Шексна	10.0	35	26.7	+14.5	-42.0	+63.4	+45.0	-15.2
Вологда	29.0	74.7	31.7	+55.3	+38.4	+46.4	+13.0	+23.3
Череповец	14.5	64.2	25.4	+42.3	+3.0	+29.0	+28.1	+27.7
Тверь	5.0	48.0	***	+44.0	+58.0	-48.0	-52.0	**
Воронеж	39.5	91.0	45.3	+58.0	+35.3	+49.2	+45.0	0
Семилуки	38.5	75.0	46.3	+27.6	+3.8	+72.5	+46.0	-10.7
Ярославль	32.0	90.1	45.8	+90.1	+14.1	+39.3	+26.5	+26.8
Рыбинск	36.3	90.0	51.0	+90.0	+24.4	+65.8	+29.0	+7.0
Тутаев	23.5	48.0	33.4	-3.0	+22.0	+35.0	+32.5	-15.0
Кострома	16.5	72.5	25.2	+29.8	+10.0	+34.2	+44.6	+0.1

Примечания:

*) "Российский патриотизм" дан, как и остальные параметры РИ, в единицах - "нетто" (как разница между гордящимися Россией и желающими эмигрировать, пассивно и активно).

**) По Твери аналогичный показатель отсутствует. Однако близкий, по-видимому, смысл (в данном контексте) имеет (менее жесткий) показатель баланса мнения о том, лучше или хуже ситуация в Твери по сравнению с другими городами (-50%).

***) Нет данных.

тив 0,4% для вопроса о Ярославском крае в Ярославле, 0% в Рыбинске и Тутаеве; старинный герб своего города знают 91,2% ярославцев и 70,5% костромичей. Для Костромы характерно также *повышенное мнение о наличии насмешек со стороны жителей соседних территорий* (7,2% в городе, 12% в сельской местности, против 1% в Рыбинске и 3,1% в сельской местности Ярославской области). В группе экспертов зафиксировано преобладание негативного мнения костромичей о костромском говоре (ср. с совершенно иной реакцией жителей Тамбова на тамбовский говор, который в гораздо большей степени отличается от московского). В то же время *стресс соседства не распространяется на удаленные от Ярославля части Костромской области* (судя по опросу экспертов в Галиче).

В Мичуринске аналогично "скобарю" [15] или "сибиряку" преобладает восприятие *регионального символа "тамбовский волк"* не как положительного (как это происходит в Тамбове и Моршанске), а как негативного образа. На вопрос о гипотетическом объединении Тамбовской и Липецкой областей около половины экспертов высказались в пользу нецелесообразности такого объединения, мнения же в пользу Тамбова или Липецка как центра объединенной области разделились поровну. В то же время в Тамбове и Моршанске среди местных уроженцев доля пожелавших присоединиться к Липецку ничтожна.

По ряду параметров исследуемые особенности идентичности *приобретают вид закономерных тенденций лишь на уровне регионов. Рейтинг регионов при этом, как*

Влияние уровня образования на развитие региональной идентичности

Регионы (области)	Значения региональной идентичности для трех уровней образования, в % опрошенных (1 - начальное и незаконченное среднее; 2 - среднее и среднее специальное; 3 - высшее и незаконченное высшее)														
	Надтрадиционная идентичность			Любовь к родному городу, краю			Российский патриотизм ("нетто")			Укорененность как алгебраическая сумма природного и просвещенного патриотизма			Традиционалистская идентичность; субэтничность		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Вологодская	+11	+11	+19	74	72	65	38	34	27	22	21	29	34	24	15
Воронежская				96	84	83	45	41	30	26	37	35	81	63	50
Ярославская	+14	+14	+22	73	84	85	57	38	53	36	28	20	42	30	15
Костромская	+6	+8	-2	76	79	55	32	25	22	23	22	11	58	45	42

правило, оказывается приблизительно одним и тем же, - для транстрадиционной идентичности лидер либо Ярославская, либо Воронежская область. Отстающими оказываются Вологодская и - чаще - Костромская области, для традиционалистской идентичности лидеры - Костромская и Воронежская области.

Различия по *интегральному индексу* региональной идентичности - Ярославская обл.; 34,3%, Воронежская обл.; 29,6%, Вологодская обл.: 18,6%, Костромская обл.; 9,4%, г. Тверь; 5% (здесь и далее под "областями" или "регионами" понимаются учтенные ареалы соответствующих областей).

Различия по характеристике "*природного патриотизма*": Воронежская обл.: +53,8%; Ярославская обл.: +52%; Вологодская обл.: +46,3%, Костромская обл.; +29%, г. Тверь: -52%, "*просвещенного патриотизма*": г. Тверь: +58%; Воронежская обл.: +173%; Ярославская обл.; +10%; Костромская обл.: +7%; Вологодская обл.: -0,4%.

Несколько иной рейтинг областей по показателям, описывающим идентичность в ракурсе *традиционализма*: "*субэтничность*" - Костромская обл.; 65,6%, Воронежская обл.; 60,4%, Ярославская; 27,2%, Вологодская; 22,4%, "*внеэкономизм мышления*" - Костромская обл.: +51,0%, Воронежская обл.: +38,6%, Ярославская обл.: +25,3%, Вологодская обл.: +15,9%, г. Тверь; -52%. Интересно, что *Костромская область, при повышенной традиционности, характеризуется ослабленным ядром традиционной культуры ("природным патриотизмом")*.

Необходимость сохранения специфики архитектуры, внешнего облика городов - Воронежская обл.: 85,7%, Ярославская обл.: 84,6%, Костромская обл.: 82,3%, Вологодская обл.: 59,5%. *Поддержка местных экокультурных движений* - Воронежская обл.; 53,9%, Вологодская обл.: 48,3%, по Ярославской и Костромской обл. данный вопрос не включался в анкету.

Каждая из областей обнаруживает значительную специфику в аспекте *влияния уровня образования на развитие идентичности*. Лишь для Костромской области характерно ослабление идентичности по всем показателям при росте уровня образования (табл. 2). Нередко "*сила*" идентичности мало меняется при изменении уровня образования, являясь почти константой.

В аспекте *органичности идентичности относительно традиции* обнаруживается безусловная органичность в Воронежской области, частичная органичность в Вологодской области и отсутствие органичности в Ярославской и Костромской областях. В качестве индикатора было использовано принятие респондентами культурной ориентации традиционализма (в данном случае - внеэкономизма) как "*предпосылки*" и просвещенного патриотизма как "*следствия*".

охарактеризованные региональные различия, рассмотренные в разных аспектах, могут быть интерпретированы как результат наложения двух пространственных макроструктур; 1) фундаментального градиента Север - Юг с большей *степенью традиционности* (в тенденции) и "пассионарности" на Юге и определяющего тенденцию (не всегда реализуемую) усиления идентичности в направлении с севера на юг и 2) структуры периферия - полупериферия - центр, элементы которой различаются по *роли традиции*, а также соотношением *местных* и *неместных* факторов. На эти макроструктуры накладываются региональные мезоструктуры, связанные с пространственными различиями в *традиционализме*. Чистая периферия - это Воронежская область, переход от периферии к полупериферии - Вологодская область, чистая полупериферия - Ярославская и Костромская области, центр - г. Тверь. *Повышенный традиционализм* характерен для находящейся на периферии Воронежской области и полупериферийной Костромской области, *пониженный традиционализм* — для Вологодской области. На периферии традиция (включая традиционализм) является важным ресурсом региональной идентичности, на полупериферии высокая степень традиционности чаще ослабляет идентичность. Роль традиции не тождественна степени традиционности. Если в Воронежской области сравнительный "избыток" традиционности совмещен с повышенной ролью традиции и "утилизируется с пользой", то в Костромской области он совмещен с пониженной ее ролью и "пропадает зря". В *центре*, в связи с доминированием *неместных факторов*, происходит *ослабление не только традиционности, но и идентичности в целом*. *Периферия: сохранение традиционализма эквивалентно активности. Полупериферия: традиционализм эквивалентен пассивности, депрессии*. Наибольшая "сила" идентичности характерна для территорий и городов, где достигнут оптимум между традицией и модернизацией.

Для транстрадиционного и традиционалистского ракурсов идентичности существенны *региональное историческое сознание и память о предках, живших в данной местности*. Например, доля респондентов, затруднившихся ответить о местах захоронения своих предков; Воронежская обл.: 1%, г. Рыбинск; 10%, Ярославская обл., село; 14%, г. Кострома; 17%, г. Ярославль; 18%, г. Тутаев; 23%. Доля респондентов, знающих *места рождения* предков; Воронежская обл.; 93%, г. Рыбинск; 89%, Ярославская обл., сельская местность: 87%, г. Тутаев: 80%, г. Ярославль; 74%, Костромская обл.: 64%.

Общинность как степень связности местного сообщества, как оказалось, сопряжена с *региональным темпераментом* (такое мнение напрашивается ввиду четкости градиента "север - юг"), хотя непосредственно она фиксируется на уровне населенных пунктов. Показатель "доля респондентов, которые знают в лицо свыше 500 чел. среди жителей своего населенного пункта": Вологодская обл.: 19,8%, Костромская обл.; 20,0%, Ярославская обл.; 33,0%, Воронежская обл.; 36,0%. Показатель: "доля респондентов, которые здороваются более чем с 300 жителями своего населенного пункта": Вологодская обл.: 17,0%, Костромская обл.; 23,4%, Ярославская обл.; 26,0%, Воронежская обл.: 43,0%. (Между тем, существование общинности в России, вне небольших сельских поселений, часто отрицается.) Показатели "знания жителей в лицо" и "развитость круга лиц, с кем здороваются" обнаружили высокую корреляционную связь (на уровне городов) между собой ($R_s = +0,85$) и с показателем "любовь к городу, краю" ($R_s = +0,60$; $R_s = +0,69$, соответственно).

Сквозным процессом формирования региональной идентичности, охватывающим все ее ракурсы, является *осознание себя как "местного"* - по рождению и/или по убеждению. Суммарная доля местных "*по рождению*" и "*по убеждению*" приблизительно одинакова по всем рассматриваемым регионам и варьирует от 81% в Костромской обл. до 84% в Ярославской обл. "Коренными тверичами" считают себя 64% респондентов. Доля *местных по рождению* также меняется несущественно - от 48,7% в Воронежской обл. до 54,7% в Вологодской обл. В г. Твери родилось 53% респондентов. В такого рода относительной однородности проявляется *социальная однотипность* регионов, сосуществующая со значительными культурными разли-

циями между регионами. Соответственно, самоидентификация как местного является хотя и важнейшей, однако *потенциальной* предпосылкой развития региональной идентичности определенной "силы". Такая предпосылка актуализируется благодаря *региональной культурной специфике* и, прежде всего, благодаря существованию *региональной культурной установки (парадигмы)*.

Интересно, что, как правило, сила идентичности более развита у *местных по убеждению, чем у местных по рождению* (исключение - наиболее патриархальная Костромская область). При этом наименьшая сила идентичности у тех, кто местным себя не считает, хотя живет в данном месте давно. Характерно, что самоидентификация как местного определяет не только местный, но и российский патриотизм. Наблюдается соответствие между российским и местным патриотизмом.

Значительно отличается по регионам суммарная доля респондентов, которые "всю жизнь прожили на одном месте, хотя предпочли бы уехать оттуда" и "которые не испытывают привязанности к какому-либо месту"; Костромская обл.: 18,0%, Вологодская обл.: 13,4%, Ярославская обл.: 12,0%, Воронежская обл.: 8,7%.

Местная культурная установка, в значительной степени предопределяющая характер, "силу" и внутреннюю логику местной региональной идентичности, позволяет предполагать существование внутренних (неконъюнктурных) источников ее формирования.

Для внешнего наблюдателя не очевиден культурный смысл регионов, существующих на базе современных административных областей. Однако неформальный характер, например, Тамбовского края подтверждается вышеупомянутым региональным символом "тамбовский волк". В группах экспертов выявлено несколько десятков значений понятия "тамбовский волк" или связанных с ним ассоциаций; "благородный русский геральдический зверь", "ответственный, строгий, злой волк", "волка ноги кормят", "...значит - не бездельник", "тамбовский волк - это я" и т.д.; положительные значения увязываются с распространением в прошлом в Тамбовской губернии не крепостных, а государственных крестьян, с коллективизмом и свободой личности, с сопротивлением при "антоновщине", с успешной трудовой конкуренцией, отрицательные - с грубостью (или грубоватостью), резкостью, хамоватостью, агрессивностью, недипломатичностью. Интересно, что уроженцы других территорий, укоренившиеся в Тамбовской области, именно по отношению к образу "тамбовского волка" отличаются от "местных".

Для Вологодской области обнаружены соотношения между показателями идентичности и возрастом респондентов, в рамках трех возрастных групп (наиболее рельефно - для мужчин). (Сказалось, что в ряде случаев для молодежи не характерна пониженная идентичность. По целому ряду показателей позиции возрастных групп достаточно близки (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели региональной идентичности в разных возрастных группах, у мужчин (в %%)

Показатели региональной идентичности	Группа до 30 лет	Группа 30-60 лет	группа старше 60 л
Гордость за Россию ("брутто")	51,7	46,4	61,5
Необходимость сохранения различий в специфике внешнего облика городов	57,5	60,1	53,5
Любовь к родному городу, краю	57,5	70,9	80,8
Просвещенный патриотизм	5,1	3,1	4,71
Природный патриотизм	28,8	55,3	71,1
Внеэкономизм мышления	8,1	22,2	19,2
Субэтничность	13,9	23,1	37,6

Интересный аспект региональной идентичности - современная самооценка жителей городов, исходящая из выявления самими жителями черт характера и образа жизни (нередко - негативная). Здесь (по данным анкетирования экспертов) образуется некий логический ряд. В направлении от юга к центру и северу происходит переход от эгоизма, "жлобства", трудолюбия и сообразительности (Новохопёрск, Борисоглебск) сначала к коллективизму, агрессивности, нахрапистости, дерзости и угрюмости (Тамбов), затем к пьянству (Мичуринск), далее - к мягкости, доброте (Моршанск, Балашов), затем - к жадности ("куркули"), прагматичности, доброжелательности, к сплетням (Арзамас, Муром), севернее - к доброте, инертности (Кострома), еще севернее - к суетливости, беспокойности и трудолюбию (Галич).

Фиксируется приблизительно одинаковая величина ощущаемого *давленным и конкуренции со стороны других территорий* - порядка 11-13%. Практически везде доминирует ощущение давления со стороны Москвы, - но кроме Костромы и Тутаева, - где преобладает мнение о давлении со стороны Ярославля (соответственно, 1% и 9% всех респондентов). В Ярославле давление Москвы ощущает 10,8% всех респондентов, в Рыбинске 6,9%, в Воронежской области 4,7%, в Костроме 2,3%, в Тутаеве 1%. В Тамбове распространено мнение о давлении со стороны Москвы, а также Липецка. В то же время мнение о давлении со стороны Кавказа на момент проведения опросов было слабо распространено. Однако характерно, что ощущение давления со стороны Кавказа усиливается по направлению именно с севера на юг: Вологодская обл. - практически нет; Костромская обл. - 0,24%; Ярославская обл. - 1,2%, Воронежская обл. - 1,8%.

В Вологодской области была зафиксирована четкая *связь между ростом ощущения себя как более богатого и усилением идентичности* по многим ключевым ее показателям, включая *традиционалистские* - выбор населенного пункта 20,6% - 38,4% - 47,2%; любовь к родному городу, краю; 59% - 71% - 72%, российский патриотизм: 18%-30%-35%, субэтничность: 9%-19%-27%. Более четко прослеживается и усиление надтрадиционной идентичности: 2%-10%-19% (учтены градации: "нищие", "бедные", "богатые, среднего достатка"). В то же время для *инверсионной* Костромской области характерно ослабление идентичности при усилении богатства для российского патриотизма и особенно для *надтрадиционной идентичности*: (+9%)-(+2%)-(-8%).

Результаты исследования показали, что региональная идентичность - реальный (а не виртуальный) феномен, отражающий преемственность самосознания местных общностей и не являющийся следствием компенсаторной реакции, продуцируемой комплексом неполноценности "провинциала" перед "престижными" столицами (там, где комплекс неполноценности развит, самосознание является пониженным). *Детерминанты идентичности несут региональный характер и никак не сводятся к характеристикам возраста или уровня образования*, в отличие от [23, 24]. *Традиция не является единственным источником формирования идентичности*. Зафиксирована связь силы идентичности и уровня богатства (на уровне индивида, но не региона) [24]. Уровень развития региональной идентичности в большинстве исследованных регионов и поселений может быть признан "умеренным", "нормальным" или "сильно развитым". Культурные контрасты, в т.ч. между соседними регионами, весьма существенны. В то же время внутри регионов наблюдается относительная культурная однородность - такая структурированность пространства осознается населением и представлена региональными символами, культивированием традиций существования территорий в истории, выделением современных "бытовых" областей. С точки зрения этих критериев, нельзя согласиться с тезисом об "аспятиальности" русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цимбаев Н.И. За горизонтом - земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 18-42.

2. *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108-115.
  3. *Куренной В. А.* Русский экшн: структурно-социальный анализ // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 279.
  4. *Филиппов А.Ф.* Гетерономия родных просторов // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 62.
  5. *Гельман В.Я.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том 6. № 2. С. 91-95.
  6. *Глазычев В.Л.* Капитализация пространства // Эксперт. 2004. №1. С. 100-104.
  7. *Шкаратан О.Н.* Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. № 3. С. 55.
  8. *Крылов М.П.* Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С. 228-236.
  9. *Гудков Л.Д.* Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России* М., 2002. С. 63.
  10. *Синицкий Л.Д.* Политическая география по Ратцелю // Землеведение. 1899. Кн. 3. С. 53.
  11. *Бородой Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974. С. 112-115.
  12. *Мезенцева Б.Б., Косларская Н.П.* Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998. № 3. С. 141-188.
  13. *Мельянцева В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии; экономика, история и современность, М., 1996. С. 13.
  14. *Крылов М.П.* Феномен региональной идентичности в Европейской России: концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М., 2002. С. 104-117.
  15. *Кувенёва Г.Н., Манаков А.Г.* Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социол. исслед. 2003. № 7. С. 77-89.
  16. *Белобородова И.М.* Фактор региональной идентичности в стратегии развития территорий // Социокультурная методология охраны окружающей среды. Ярославль, 1999. С. 101-114.
  17. *Сикевич З.В.* Русские: образ народа. СПб., 1996, 152 с.
  18. *Панишин В.М., Лапкин В.В.* Трансформация национально-цивилизационных идентичностей современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 52-63.
  19. *Покровский Н.Е.* В зеркале глобализации // Отечественные записки. 2003. № 1 С. 51-65.
  20. *Кастельс М., Киселёва Э.* Россия и сетевое общество // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.
  21. *Тоффлер О.* Футурошок. СПб., 1997.
  22. *Данилевский И.М.* Россия и Европа. М., 1991. С. 87, 112-113.
  23. *Андреев А.Л.* Российский социум на пути реформ: государство, нация // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 5. С. 94-105.
  24. *Драганова М., Староста П., Столбов В.* Социальная идентификация жителей сельских поселений и малых городов Восточной Европы // Социол. исслед. 2002. № 2. С. 52-60.
- Исследование проведено при поддержке РФФИ (№ 01-06-80362)*